



*Спецпроект редакции газеты «ЭХО»

Все с умом – и нищеты не будет!

На северной окраине деревни Шипицино живут супруги-пенсионеры, труженики тыла Алексей и Раиса Щербаковы. Им уже под восемьдесят, но они до сих пор в заботах, в хлопотах. Дом – добротный, ухоженная усадьба. Корову держат, другую живность.

За шестьдесят лет совместной жизни супруги очень сроднились. Появились на свет восемь детей, двое умерли, шестеро выросли и стали достойными людьми. Сорок пять внуков и правнуков! Раиса Григорьевна – мать-героиня.

Раиса родилась в немецкой семье на Украине, в Сибирь попала с матерью в начале войны. Отца репрессировали и расстреляли как «врага народа» в 1938 году (потом, конечно, реабилитировали).

Родители Алексея переселились в сибирские края из Курской области. Шипицино стало и его малой родиной.

Отсюда супруги, когда им было уже по семьдесят, уезжали в Германию, где обосновались их сын, дочь, семь внуков. А через три года вернулись.

Про характеры. Раиса Григорьевна – женщина спокойная, тихая, хотя необщительной ее не назовешь. А муж?

– С человеком, которого впервые вижу, говорю так, как будто с ним сто лет знаком, – так говорит мне о себе Алексей Кузьмич. – Для многих это непривычно... Ну, а я такой!

Вот и у калитки своего дома Щербаков встретил меня как старого знакомого. Я даже подумал, не обознался ли он, не принял ли за кого другого. Но через несколько минут у меня и впрямь появилось ощущение доверительности и душевной близости с Алексеем Кузьмичем. Ощущение естественное, но почему-то далеко не всегда проявляющееся у людей. «Непривычно» – лучше, пожалуй, не скажешь!

Слепоту одолев – под суд попал

Открытость Щербакова, как я дальше убедился, идет от его внутренней силы и крестьянской мудрости.

– Вот этот дом – третий, который я построил, – сообщает мне хозя-

ин. – А начинали мы с Раисой в каморке, где хомуты висели. Сколько всякого было – не перескажешь... Сейчас частенько слышишь, особенно от молодежи: деньги, деньги! А в них ли счастье? Надо все уметь и никаким трудом не гнушаться... Мальчонкой был – видел, как мужики дуги гнули. А потом, уже в шестьдесят лет, сам их гнул. Метлы заготавливал. Так сложились...

В колхозе – с детских лет. Тогда «Светлый путь» был. В Шипицине мы были самые бедные. Мне в пять лет на глаза повлило: на два года ослеп! А какие больницы тогда? Побирушка-молдаванка по деревне летом ходила. Мать ей меня показала. Та научила мать якобы исцеляющей молитве, чтобы я ее читал. И по вечерам ходил я, малец, на речку Тарсьму, забредал в нее по колено, водой умывался и ту молитву лицом к зорьке твердил.

Через неделю прозрел. Не знаю, как той молдаванке благодарен! Теперь уже нет ее, наверное, на земле. Царствие ей небесное!

А еще она, добрая душа, поведала о народном средстве от седины и чтоб волосы на голове не вылезали. Делать смесь гусиного жира, масла репейного, сметаны и втирать ее в волосы. Вот, гляди, они у меня до сих пор густые, черные!

– В мою пору мальчонкой, – вспоминает Алексей Кузьмич, – у нас в Шипицине лес кругом рос (в войну повырубали). Речка раз в пять больше была, рыбы – ведром черпай, мельница на ней стояла. А еще кирпичный заводик работал. Конем глину для кирпичей месили.

А началась война, отец с другими мужиками на фронт ушел. Вскоре в бою раненый попал в плен. Четыре года в Германии, под Гамбургом, у богача-немца батрачил. Выжил, домой вернулся, весь исполосованный, смотреть страшно. Заставляли его там идти в солдаты и воевать против своих, русских. Он – ни в какую: хоть убейте! Сорок годков ему тогда было. Крепкий человек, все выдержал.

Я в школе окончил всего один класс, читать и писать кое-как умел. Работать надо было!

Осенью сорок первого я в свои одиннадцать лет... попал под суд. За то, что якобы по моей вине погиб конь. А дело было так. Ночью я пас лошадей в месте, где раньше стоял хуторок. Там остался заброшенный колодец, почти без сруба над землей. Ну, когда в темноте я ехал верхом, конь и упал в колодец. Меня Бог спас: свалился из седла рядом с глубоким колодцем, у которого и

дна не видать. Разбился порядком, но выздоровел. Обидно до слез: пострадал из-за незакрытого колодца, и меня же – судить! Но и тут Господь оберег, от наказания освободили. По тем жестоким военным временам, грозила мне тюрьма.

Да ладно. Что было, то прошло. Мы с женой – труженики тыла. В войну наравне со взрослыми хватили лиха. С тринадцати лет я с матерью пимы катал. Это была настоящая катарга! Но куда денешься? Для фронта, для победы!

По наитию свыше

Чем дальше я вникал в биографию Щербакова, тем все более незаурядной личностью он мне представлялся. На армейской службе он, по сути безграмотный (приписал себе три класса), обучился на шофера, подвозил горючее на военный аэродром для заправки самолетов. Мало того, стал инструктором по вождению. По возвращении из армии сперва шоферил в колхозе, затем определился в животноводы. После курсов семь лет работал осеменатором, обучился на ветеринара.

– Когда учился, ничего не записывал, все в голове откладывалось, причем крепко! – говорит он. – До многого сам додумывался. Например, по району был тогда большой падеж телят. Нашел против этого средство. Стал вылечивать телят-легочников. С хромотой у коров успешно справлялся. Применял такие средства, которые нигде не описаны, ни в каких книгах и брошюрах.

Меня районные специалисты иной раз укорачивали: «Ты откуда такой взялся – чересчур умный?» А я им:

– На родной земле родился. Один букварь прочитал – в нем все написано.

Даже хотел скрестить корову с лосем. Получились бы метисы мясной породы. Не поняли меня. Хотя я впустую никогда ничего не вытворял... Но многое делал, как по наитию свыше. Луна, ураган, дождь – все мне предсказанием может быть. У стариков столько узнавал, прислушивался к ним. Я был покорный...

«Покорный» – это, по Алексею Кузьмичу, почтительный, уважительный. «Еду на машине в поле, по улице, – объясняет он дальше, – никогда человека не объеду, подвезу. Сразу уловлю, в чем человек нуждается...»

В Германии нам нечего делать...

Щербакову суждено было пройти испытание, которое выдерживают далеко не все. Чуть не погубил его «зеленый змий». Смолоду он кастрировал коней, скот, свиней. Старые-то спецы по этой части вымерли. Вот вся деревня к нему и валила. А рассчитывались люди известным угощением. Пристрастился к нему Алексей Кузьмич. Сам не заметил, как вышел, как он сам выражается, из рамок. До того, что и одеколон, и все очистители употреблял, не брезговал!

Работу не забывал, но все же порядком «ослабел». И увезли Щербакова, с его согласия, в лечебно-трудовой профилакторий. Тогда еще были такие учреждения. ЛТП пошел Алексею Кузьмичу на пользу. Может, не столько лечение, сколько здравый рассудок и сильная воля помогли.

Восемь лет не брал в рот спиртного. За это время на «Жигули» заработал, с детьми «разделался», чтоб они на ноги самостоятельно встали. Позже, если и выпивал, то не больше рюмки. Трудился скотником. Сам строил телятники, тепляки.

– У нас у дома – два огорода, – говорит Алексей Кузьмич. – Всегда были кони, свиньи, коровы. Личного хозяйства больше, чем во всей Шуринке! Ничего – управлялись! Из Германии вернулись – опять корову купили. Две водокачки во дворе: одна электронасосом воду качает, другая – вручную. Когда в Германию уезжали, пять тонн пшеницы оставил, берег на черный день. И сейчас есть запас!

Другим нечего делать, а у нас с женой вечная жажда работы. Мы и в Германии-то не остались из-за того, что там нечего делать. Я все на окраину города выходил, там – поля, смотрел, как сеют, пашут. А перед глазами – Шипицино. Все у нас тут растет. Скот разводи, овец, мелочь всякую. Главное, чтоб все с умом, тогда и нищеты не будет!

В переднем углу в доме Щербаковых висит икона Господа Бога. Ее они выпросили за деньги у соседей, которые уезжали из деревни далеко на восток страны. Было это давно, когда Алексей и Раиса только поженились.

Под иконой – большой крест Иисуса Христа.

– Мы везли его с мамой с Украины, – объясняет Раиса Григорьевна. – Это единственное и самое дорогое, что у нас было. Да и сейчас остается. Икона да крест нас спасают. Только верой и живем...

Александр ТАРАГОВ

II

Ста́л два́жды вра́гом наро́да

Многим в нашем районе хорошо знакомо имя Надежды Харитоновны Васильевой, отличника народного просвещения, бывшего депутата областного и районного Советов народных депутатов.

Более десяти лет Надежда Харитоновна была координатором совета старейшин при главе Промышленновского района. Более полувека своей жизни она отдала делу образования и воспитания детей.

К Надежде Харитоновне относились с большим уважением, почтением за ее рассудительность, эрудированность, доброжелательность. Но мало кто знает о семейной трагедии, которая тяжелым камнем легла на всю ее жизнь.

Еще в детстве Надя испытала на себе, что такое носить клеймо «дочь врага народа». Но вопреки неустойчивости, полуголодному существованию она училась с завидной прилежностью, успешно переходя из класса в класс.

После окончания десятилетки Надежда продолжила обучение в Новокузнецком педагогическом институте, получила специальность учителя русского языка и литературы. Двадцать лет преподавала в средней школе №2 русский, литературу, историю.

Тринадцать лет была директором восьмилетней школы №1. Будучи на заслуженном отдыхе еще долгие годы вела уроки истории в средней школе №56, активно занималась общественной деятельностью.

И все эти годы она помнила о тяжелой судьбе отца, Харитона Федосеевича Терещенко, и не верила, просто не могла смириться с мыслью, что он был «врагом народа».

– Дед мой, Харитон Федосеевич, родился в 1889 году в Херсонской губернии, – вспоминает Наталья Драганец из п.Плотниково. – В 1905 году его семья по Столыпинской реформе, в поисках новых земель, направилась в Сибирь и поселилась в селе Васьково Титовского района Новосибирской области. У него был брат Василий и четыре сестры.

Из Омска, где дед Харитон проходил службу, он привез жену Елизавету. У них было семеро детей, трое умерли в детстве. Дед был грамотным, в армии служил писарем. В период НЭПа стал заниматься частным хозяйством, но багратков у него не было. Работали сестры, брат с семьями. Считался середняком, но в 30-м году все равно раскулачили и он пять лет отработал на строительстве Беломорканала.

В 1935-ом вернулся и переехал на станцию Промышленная. Работал учителем начальных классов, был статистом в райфинотделе. В 1937 году по доносу пьяного соседа деда арестовали и в октябре того же года расстреляли.

В 1962 году Харитон Федосеевич Терещенко был полностью реабилитирован. За два ареста. Почему за два?!

В своих воспоминаниях Петр Андрейчиков, ветеран войны и труда, писал:

«До коллективизации на селе никто ничего не знал, никогда не слышал, а тут вдруг «враги народа» появились, да в таком количестве, что и счету не дашь. Ничего не прибавлю, если расскажу об одном человеке, ставшем жертвой сталинского произвола.

В Васькове жил крестьянин Харитон Федосеевич Терещенко. Образование, хоть и не профессорское, но имелось. Жил, как все, просто: пахал, сеял, никого никогда не обманывал, воровством не занимался.

Когда в Кузбассе утвердилась советская власть, стал учить детей в местной школе. Воспитанию детей и обучению отдавал все свои силы многие годы. Мне выпало счастье быть его учеником. И, как все мои сверстники по школе, храню в сердце наилучшие воспоминания о нашем учителе.

А годы были не из легких. Мы учились в крестьянском доме при керосиновых лампах-се-

милинейках. Об электричестве мечтали как о роскоши. Букварей и учебников насчитывалось не более десятка, пользовались ими по очереди. Тетрадей приходилось по две-три на ученика. Чтобы хоть как-нибудь их заменить, наш добрый учитель Харитон Федосеевич приносил из дома пожелтевшие обрывки старых блокнотов или что-то им подобное. А когда и этого не стало, послал нас, нескольких учеников, в сельский Совет попросить хоть какой ни на есть бумаги. Помню, секретарь Совета дал нам охапку макулатуры. Это была какая-то переписка. И мы своей добычей были очень довольны.

Наш Харитон Федосеевич был еще и добрым хозяином. В его семье было несколько сестер и брат. Все молодые, трудолюбивые. При НЭПе, когда в селе быстро оживала экономика, у них на подворье насчитывалось три рабочих лошади и молодой конек для поездки на базар и в гости, несколько коров и молодой скот. В кредитном товариществе взяли в рассрочку сенокосилку с конными граблями, что для середняцкой семьи являлось вполне нормальным. Трудолюбие приносило в дом достаток. Хлеба у Терещенко хватало и для себя, и для поставки государству.

И для общественных дел на селе находилось время у Харитона Федосеевича. При его непосредственном участии было организовано общество сельских потребителей, построен новый магазин, маслозавод.

Ценить бы человека за труд, кланяться ему в ноги за общественные дела, а его вместо этого жестоко наказали. В двадцать девятом году по линии НКВД он был арестован как «враг народа» и сослан на север.

За что обвиняли честного человека, по какому праву лишили гражданства – объяснений не было. Никто в деревне ничего не знал, все молчали.

...Вернулся Харитон Федосеевич к родной семье лишь через пять лет, измученный каторжным трудом, с тяжелой травмой в душе. Рассказал близким, как отбывал наказание на строительстве Беломорканала.

Теперь у него не было ни дома, ни имущества. Сразу после ареста имущество конфисковали. На руках – единственный документ: справка об освобождении из заключения. Об отдыхе не могло быть и речи – семья бедствовала. В первые же дни пошел работать на железную дорогу.

Казалось, миновали все невзгоды, пришло время, когда можно душой расслабиться, вздохнуть. Но это только казалось. Не знал Харитон Федосеевич, что ему уготовано новое, еще более страшное, испытание.

Несчастье постигло в тридцать седьмом году. Прямо на службе, в конторе статучета, он был снова арестован. И снова услышал: «Враг народа!»

С минуту он был в шоковом состоянии. Поблудневший и растерявшийся, неподвижно стоял возле стола. Потом, овладев собой, попросил разрешения сходить домой попрощаться с детьми и женой. Но даже в этом ему отказали. Его путь лежал в далекий Нарымский край, откуда Харитон Федосеевич уже не вернулся.

Спустя много лет Надежда Харитоновна Васильева обратилась в областной архив, чтобы узнать, за что был наказан ее отец.

Пришедший ответ гласил: «Ваш отец, Харитон Федосеевич Терещенко, перед народом и советской властью ни в чем не виноват и полностью реабилитирован».

Прочитала казенный текст служебной бумаги... И так обидно стало! До слез! Как все просто: реабилитирован!!! А сколько пролито слез, сколько бессонных ночей, сколько унижений пришлось вынести за долгие годы репрессий! А кто вернет детство, которое сломали благодаря соседскому доносу?

Нет в живых Надежды Харитоновны, но в семье ее дочери, Натальи Николаевны, бережно хранятся документы, и фотографии, связанные с той эпохой.



378
репрессированных
проживают на территории
Промышленновского района.



9 июля 1928 года, выступая на Пленуме ЦК ВКП(б), И.В.Сталин заявил, что, по мере продвижения страны к социализму, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться. Этот тезис генерального секретаря ЦК ВКП(б) стал основанием для начинающегося в стране произвола и насилия.

Первая жестокая волна массовых репрессий обрушилась в 1928 году на крестьянское население СССР. Сотни тысяч угодивших под вал «раскулачивания» крестьян ссылали в труднодоступные районы страны – Север, Сибирь, Дальний Восток, где они должны были осваивать новые для себя земли.

Вторая волна террора прокатилась по стране в 1937-1938 годах. Для ускоренного рассмотрения дел в Западно-Сибирском крае были созданы «Тройки НКВД». «Тройка» – это внесудебный орган, получивший право приговаривать арестованных к расстрелу без суда и следствия.

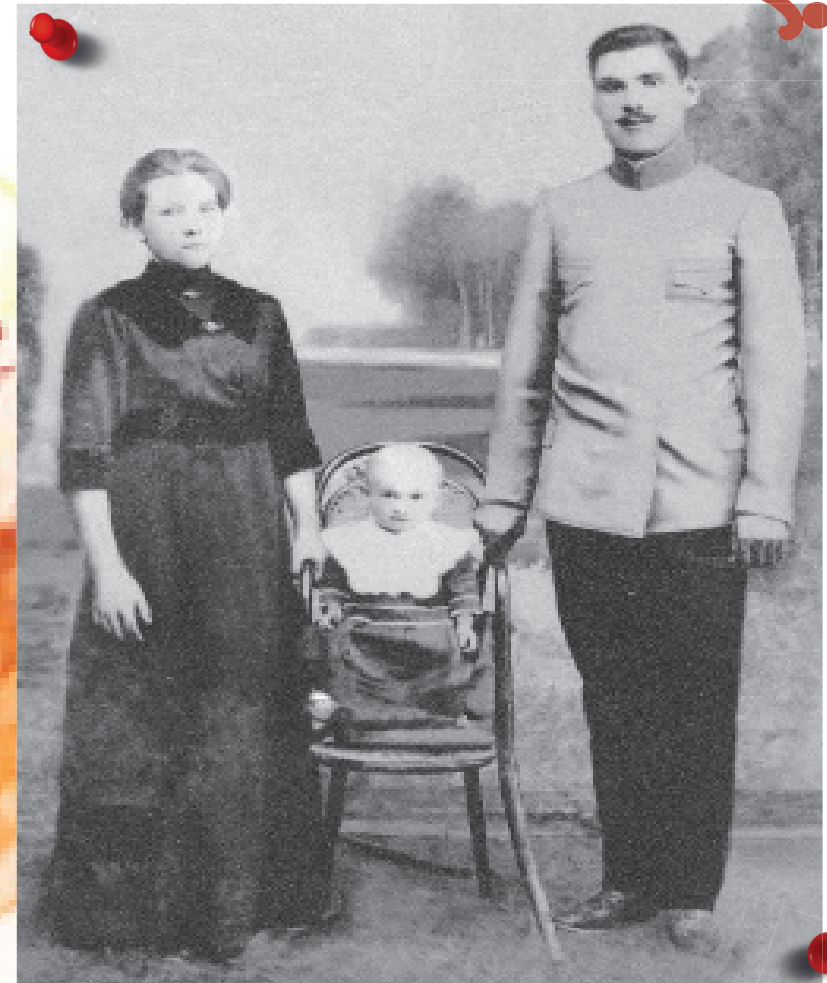
В июле 1937 года было принято постановление «О женах осужденных изменщиков Родины», согласно которому все жены подлежали заключению в лагерь не менее, чем на 5-8 лет, а их дети помещались в детские дома и интернаты.

В августе 1937 года начались массовые репрессии против антисоветских элементов.

Всего было арестовано 1,7 млн человек. Из них 682 тысячи – расстреляны, казнены.

22 августа 1941 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Уже в сентябре все немецкое население было депортировано в Сибирь и Казахстан. Их везли в Сибирь на стройки, на заготовку леса как дармовую рабочую силу.

III



Елизавета и Харитон Терещенко с дочкой, 20-е годы.



Харитон Терещенко в годы службы.

Сталинские репрессии. Только от одних этих слов до сих пор стнет кровь в жилах, хотя наше поколение далеко от тех страшных событий. Трудно даже представить, каково было тем, кто попал в черный список репрессированных, кто на долгие годы получил метку «враг народа», кто по злобному доносу был лишен свободы, молодости, возможности жить нормальной, человеческой жизнью рядом с родными, близкими людьми.

Истерзанные в сталинских лагерях или расстрелянные Тройкой НКВД, они заслужили, чтобы о них помнили. Чтобы о них знали. Что они ни в чем не виноваты перед своим народом и Родиной. Что их честное имя было реабилитировано. Пусть о них узнают жители района! И пусть восторгается справедливости!

IV История одного дома

Стражи купеческого дома

На улице Сибирской села Калинкина стоит старинный дом. Говорят, ему более 130 лет

Впервые о доме мы услышали от местной жительницы Зои Беловой-Ремизовой.

Зоя Алексеевна вспоминала, как девчонкой бегала в клуб, который располагался тогда в этом доме. Когда в клубе показывали взрослые фильмы, они с ребятами заглядывали в окна. Для деревенской детворы это было настоящим приключением.

Дом был свидетелем революционных событий, нашего колчаковцев, становления советской власти.

При Советах в просторном доме была школа-четырёхлетка, затем – библиотека, а уж потом – клуб. Когда в Калинке построили новый клуб, дом отдали под жильё.

Недавно в редакцию позвонила хозяйка дома, Анна Феофилактова, и пригласила журналистов в гости. Ей захотелось поделиться воспоминаниями, связанными с домом, который принес ей семье много и горестных, и радостных минут!

– Мы с мужем Николаем Евстигнеевичем в этот дом въехали в 1964 году, – начинает рассказ Анна Тимофеевна. – Прожили здесь 55 лет. Мужа уж нет в живых, хороший был человек. Мы с ним ладили. Его мать, Анастасия Алексеевна, в 20-х годах служила в этом доме у купчихи Софьи Сергеевны. Фамилию никак не могу вспомнить, но точно знаю, что она торговала склянными изделиями, возила их на продажу в Томск. Ей даже на дом мужики приносили товар. Сама она ездила за железными изделиями в Ушаково. Наверное, там была кузница.

Сохранился огромный подвал с залитым фундаментом, где купчиха хранила свое добро. В годы революции Софья Сергеевна сбежала, дом отдали под школу.

Старейший житель Калинкина Яков Мальцев, ныне покойный, говорил, что построили дом примерно в 1883-1885 годах. Подтверждением тому – старинные монеты времен Екатерины II, найденные в огороде.

Бывший завклубом Олимпий Плотников, когда копал яму под туалет, нашел клад с драгоценностями. После этого он замкнулся, ни с кем не разговаривал, бросил жену и уехал к матери. Видать, чужое добро добра не приносит.

Вспомнила Анна Тимофеевна первого учителя, директора Калинкинской школы, которая располагалась в купеческом доме, – Петра Васильевича Титова.



Анна и Николай Феофилактовы. Начало 70-х годов.

– Умнейший был человек, – восклицает Феофилактова. – Муж был на шесть лет старше меня, вот он еще у Титова учился, а я уже пошла в новую школу.

Ирония судьбы

Познакомились Анна с Николаем в клубе, который позже стал их домом. Парень только-только демобилизовался, пришел на танцы. Ему сразу приглянулась Анна. В первый вечер Николаю не удалось проводить девушку до дома, но он все же сумел завоевать ее сердце.

Поженились в 1960 году, а через четыре года, посчитавшись по углам, поселились в купеческом доме.

– Дом был разделен на двух хозяев, – вспоминает Анна Тимофеевна. – Вот здесь, в зале, была вторая дверь на улицу. Там крыльцо подстраивали. По технике безопасности, в клубе был положен второй выход. В правой половине дома было шесть окон, через каждые 40 см. Окнами освещали комнату. Такие комнаты называли светлками, или светлицами. В них принимали гостей, занимались рукоделием, читали. Электричество провели в конце 60-х.

С годами окна заложили,

установили современные, пластиковые стеклопакеты. Хозяйка стала крышу перекрывать – стены «поехали». Они же все изрезаны были.

Ремонта в доме и сейчас хватает. Казалось, можно с ним и расстаться, найти подходящее жильё, но какая-то сила держит, не отпускает Феофилактовых.

– Непроходящая боль сидит в груди как заноза, – говорит Анна Тимофеевна. – В этом доме родились мои дети – Сергей, Марина, Аркадий. Из этого дома похоронила старшего сына, мужа, мать...

Мама Анны, Капитолина Ивановна Морозова, весной 43-го получила известие, что муж ее, Тимофей Васильевич Морозов, пропал без вести.

А Анна родилась 1 января 1943 года. Отец приезжал домой, по ранению, жил полгода, пока рана не затянулась. Уехал и больше не вернулся.

Капитолина замуж больше не вышла, переехала жить к дочери. 35 лет с зятем прожила. Работала поваром в Калинкинском детском доме, потом, когда детдом закрыли, перешла в интернат.

Муж Анны Тимофеевны был знатным механизатором. В семейном архиве сохрани-

лось множество почетных грамот, благодарностей. За ударную работу даже путевкой в Германию награждали.

Анна Тимофеевна кем только не работала – буфетчицей, нормировщиком в колхозе, диспетчером, кладовщиком, на весовой, приемщицей в КБО. Много лет уж на пенсии. Является стражем старинного купеческого дома, каких в районе единицы. Но у каждого из них

– своя судьба, связанная с судьбами людей, проживающих в них, с судьбой родного края и всей страны.

И за 135 лет стены этого дома сколько всего повидали и услышали! Сколько впитали в себя боли и радости домоладцев! И, доживая свой срок, дома нет-нет, да и приоткрывают завесу событий давно минувших лет...

Дорогие читатели!

Сегодня мы рассказали историю одного купеческого дома, но в районе он не единственный. Многие видели красивый старинный дом купца Сергея Поливцева в Морозове.

Мы знаем, что сохранились дома зажиточных людей в Титове, Лебедях, Ваганове, в других населенных пунктах. Их осталось немного, но каждый из них хранит давно забытые истории и легенды о жизни земляков, семейных династий, из которых складывается история Промышленновского района.

Присылайте в редакцию «Эха» рассказы о таких старинных домах, о судьбах людей, живших в них XIX-XX веках. Ваши рассказы-воспоминания мы опубликуем на страницах проекта.

Куратор проекта — Татьяна КОВАЛЕВА.
Тел. 7 - 40 - 97.